

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-39-48

EDN: UMNQHN

УДК 821.161.1.0

Научная статья / Research article

Рассказ Леонида Андреева «Чемоданов» как житие «нижечеловека»

А.В. Мытарева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Российская Федерация
✉ amytareva@hse.ru

Аннотация. Рассматривается новелла «Чемоданов» (1916) как пародийный вариант жития (антижития), а также как вариант разрабатываемого в творчестве Леонида Андреева конфликта «Человек – Судьба». В первой части анализируется существующий контекст: определяются некоторые особенности художественного мира писателя, в том числе проясняющие природу комического в творчестве Андреева. Эти наблюдения относятся как к образу героя-обывателя, так и к игре с жанром. При этом обращение к трансформации жанра кажется характерным для рубежа XIX–XX вв. и встречается не только в творчестве Андреева, но в произведениях других авторов-современников. Во второй части предлагается опыт прочтения новеллы «Чемоданов» как «вывернутого» жития. Повествование строится по агиографической модели: описание жизни героя представлено от момента рождения до смерти, события носят чудесный характер, герой занимает особое положение, повествователь выступает в качестве беспристрастного летописца, изложение носит не риторический, а историко-документальный характер. На уровне содержания автор, создавая обобщенный образ современного человека, развенчивает возможность обывателя выступать в качестве мученика, что подчеркивается ироническим тоном повествования. История мытарств Егора Егоровича Чемоданова представляет собой пародийный вариант конфликта «Человек – Судьба», разрабатывавшийся до этого в «Жизни Василия Фивейского». В отличие от повести в рассказе коллизия представлена в иронической модальности и не осознается героем как борьба. В результате делается вывод, что вариативность изображения одной и той же коллизии позволяет нам поставить под сомнение тезис о тотально пессимистическом мировоззрении Леонида Андреева, а переосмысление жанра жития предвосхищает обращение к агиографии в литературе XX в.

Ключевые слова: Леонид Андреев, антижитие, житие, пародия, жанр, агиография

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

© Мытарева А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Мытарева А.В.* Рассказ Леонида Андреева «Чемоданов» как житие «нижечеловека» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 39–48. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-39-48> EDN: UMNQHH

Leonid Andreev's Story *Chemodanov* as a Hagiography of the 'Nizhechelovek'

Alisa V. Mytareva

HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ amytareva@hse.ru

Abstract. The story *Chemodanov* (1916) is considered as a parody version of a hagiography (anti-life), as well as a version of the collision 'Man – Fate' developed in the work of Leonid Andreev. The first part provides an analysis of the existing context: some features of the writer's artistic world are identified, including clarifying the nature of the comic in Andreev's work. These observations relate both to the image of the philistine hero and to the genre game. At the same time, the appeal to genre transformation seems typical for the turn of the 19th–20th centuries and it is found not only in Andreev's work, but also in the works of other contemporary authors. The second part offers the experience of reading the novel *Chemodanov* as a 'twisted' hagiography. The narration is built on a hagiographic model: the description of the hero's life is presented from the moment of birth to death, the events are miraculous in nature, the hero occupies a special position, the narrator acts as an impartial chronicler, the presentation is not rhetorical, but historical and documentary in nature. At the level of content, the author, creating a generalized image of a modern person, debunks the ability of the average person to act as a martyr, which is emphasized by the ironic tone of the narrative. The story of the ordeal of Yegor Yegorovich Chemodanov is a parodic version of the conflict 'Man – Fate', which was previously developed in *The Life of Vasily Fivevsky*. Unlike the story, the conflict in the novella is presented in an ironic modality and is not recognized by the hero as a struggle. The variability of the depiction of the same collision allows us to question the thesis of Leonid Andreev's totally pessimistic worldview, and the rethinking of the hagiography genre anticipates the turn to hagiography in the literature of the 20th century.

Keywords: Leonid Andreev, anti-life, life, parody, genre, hagiography

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

For citation: Mytareva, A.V. (2026). Leonid Andreev's Story *Chemodanov* as a Hagiography of the 'Nizhechelovek'. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 39–48. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-39-48> EDN: UMNQHH

Введение

Одной из центральных тем литературы начала XX в. является изображение обыкновенного человека. Объектом рефлексии становится вопрос о границах возможности личности. В традиции, предшествующей модернизму,

Ф.М. Достоевский, например, обращается к типу мечтателя, чудака; Л.Н. Толстой создает понятные, социально очерченные характеры. Позднее А.П. Чехов изображал обыкновенного человека в обычных обстоятельствах, и, наконец, объектом внимания Л.Н. Андреева становится обыкновенный человек в необычных обстоятельствах либо в обстоятельствах, которые прочитываются как необычные («Большой шлем», 1899). Разница восприятия зависит от позиции автора или героя, которого он изображает.

В связи с этим замечанием нам кажется необходимым обратиться к классификации Нортропа Фрая (1987, с. 232), в основе которой лежит способность героя к действию. Исследователь выделяет пять типов произведений: герой превосходит людей по качеству, он – божество; герой превосходит людей по степени, характеру силы, духа, он – герой; герой превосходит других по степени, но зависит от земных условий существования, он – вождь; герой не превосходит ни свое окружение, ни других людей, он – один из нас; герой уступает читателю в силе, уме, читатель занимает позицию превосходства над героем. Последний тип произведений для нас наиболее интересен.

Леонид Андреев, создавая образ современного человека-обывателя, ставит читателя «над» героем, однако для изображения используется «высокий инструментарий»: столкновение с Роком, коллизии, ранее порождающие трагическую картину мира, теперь создают контраст, при котором герой принадлежит «ироническому модусу» (Фрай, 1987, с. 233).

Эксперименты как с формой, так и с проблематикой художественных произведений не позволяют отнести творчество Леонида Андреева ни к одному из направлений, существующих на рубеже XIX–XX вв., на это указывают исследователи, называя место, занимаемое писателем, «промежуточным» (Келдыш, 1975, с. 211). Об этом качестве пишет Т.Я. Ганжулевич (1908, с. 209), в дальнейшем эту мысль развивают И.И. Московкина и Г.Н. Боева. В монографии Г.Н. Боева (2016, с. 7) отмечает, что при «стилевой и жанровой полиморфности», которая характеризует творчество Леонида Андреева, писатель переосмысливает существующие сюжеты и идеи предшествующих эпох.

Другой исследователь, Ю.В. Бабичева, обращает внимание на развитие Л. Андреевым одних и тех же коллизий, но представленных в разных модальностях. Ю.В. Бабичева (1982, с. 71–72) пишет об этом так: «Подобно античному драматургу, который считал необходимым смеховым трагедийным вариантом („четвертой драмой“) уравновесить высокую важность трагедийной трилогии, Андреев кривым зеркалом иронии все время контролировал сам себя, измерял глубину и важность волновавших его вселенских „проклятых“ вопросов». Одним из таких вопросов, по мнению И.И. Московкиной (2005, с. 219), является конфликт «Человека и Судьбы, или Рока», «смеховой» вариант которого представлен в рассказе «Чемоданов».

Стремление к созданию произведений на стыке жанров, десакрализация евангельских сюжетов, игра с интертекстом дают основание обнаружить в творчестве писателя «предпостмодернистский комплекс» (Бабичева, 1982,

с. 71–72), чертами которого являются «значительное усиление иронии и игрового начала, имеющих трагифарсовый характер; важная роль метатекста; сопряжение мифотворчества с демифологизацией – игрой с мифом, ироническим переосмыслением символистских, христианских, идеологических мифов и своих собственных, созданных прежде; „мерцание“ смыслов, приводящих к множественности интерпретаций произведений», а Леонида Андреева назвать предпостмодернистом (Бабичева, 1982, с. 77). В этом отношении творчество писателя совпадает с векторами развития литературы рубежа веков. Ироническое обыгрывание существующих художественных систем, демифологизация, эксперименты с жанром – появление антисвяточных рассказов (Душечкина, 1995, с. 229), обращение к «антижитию» (Давыдова, 1998, с. 20–25) – характерны также и для творчества Евгения Замятина («Уездное», «Житие Блохи»), Федора Сологуба («Сказочки»), Михаила Кузмина («Пример ближним»).

Результаты и обсуждение

Обращение к системе антижанров как попытке осмыслить происходящее и найти сообразную ему форму выражения объясняется кризисной ситуацией рубежа веков, наполненной предчувствиями катастроф. Проза Леонида Андреева, по мнению Е.И. Петровой (2010, с. 15), формируется в окружении предсюрреалистических тенденций. Это объясняет обращение к библейским мотивам и сюжетам, которые писатель «выворачивает наизнанку». В данном случае наше внимание обращено к «антижитию», которое строится на обыгрывании существующих черт «породившего» его жанра, где узнаваемые признаки формы искажаются и наполняются противоположным содержанием.

Примером тому может послужить рассказ «Чемоданов», опубликованный в журнале «Огонек» от 3 января в 1916 г. № 1 с иллюстрациями С.П. Лодыгина.

Рассказ представляет собой жизнеописание Егора Егоровича Чемоданова от рождения до смерти. В младенчестве он был подброшен на крыльцо к купцу Егорову, а после гибели приемных родителей вместо приюта попадает в колонию для несовершеннолетних преступников. На протяжении жизни судьба испытывает Чемоданова бедами и лишениями, но герой, не предаваясь размышлениям о смысле происходящего, продолжает существовать. Погибает он по нелепой случайности, приехав на родину с целью найти свою мать.

И.И. Московкина (2005, с. 243) определяет жанр «Чемоданова» как новеллу-миф, объясняя такой выбор обращением к легенде об Агасфере, трагедии «Эдип», философской повести XVIII в. типа «Кандида», а также ироническим философским обыгрыванием конфликта «Человек – Судьба». Мы предлагаем посмотреть на новеллу «Чемоданов» как на житие «нижечеловека», где архетипическая коллизия «Человек – Судьба», ранее разрабатываемая в творчестве писателя, представлена в иронической модальности и не только демонстрирует

несостоятельность «нижечеловека»¹, но и раскрывает бессмысленность существования современного человека вообще. Эта идея подкрепляется как на уровне хронотопа, который несмотря на использование конкретных деталей, носит универсальный характер, так и на уровне персонажа.

Время действия относится к современности, на что указывает упоминание о революции (ближайшая к моменту написания рассказа – революция 1905–1907 гг.). Соответственно годы жизни Чемоданова приблизительно могут быть определены следующим образом: с 1875/77 по 1905/07 год (Чемоданова казнят по ошибке во время революции). Однако, несмотря на конкретику времени, описание жизни Егора Егоровича воспринимается как вневременное.

То же касается географии, которая охватывает события: Сибирь, Тифлис, Африка, Каир, Неаполь, Швейцария, Франция, Сибирь. Так, местом действия является весь мир, мир «вообще». При этом пространство десакрализируется: оно не спасает героя от злого Рока, герой постоянно испытывается судьбой. Наконец, самым опасным для жизни героя и гибельным местом становится Сибирь – родина Чемоданова. Испытания, выпавшие на долю Егора Егоровича, лишены причины и цели: герой так и не приобретает новое качество, его преобразования не происходит. Мотив «преследования и защиты святого сакрализованном пространстве» (Шатин, 1996, с. 28) последовательно деконструируется, опрокидывая представление о родной земле как месте спасения.

Сюжет новеллы строится на метаморфозе, не имеющей ни причины, ни цели: на долю человека-обывателя («нижечеловека») выпадает ряд испытаний. В предисловии рассказчик задает вектор восприятия жизни Чемоданова, называя его «странным избранником» Рока². Начало пребывания Чемоданова в этом мире интерпретируется как чудо: он был рожден «в одном из сибирских городов и подброшен на парадное к купцу Егорову»³, который своих детей не имел. Стоит заметить, что на протяжении всей жизни Чемоданов продолжает находиться в роли «подкидыша»: по воле случая он попадает в обстоятельства, в которых иной должен погибнуть, однако добрые силы каждый раз спасают Егора Егоровича. Испытания, выпавшие на его долю, перечисляются в произведении беспристрастно, по принципу каталога: пожар в доме купца Егорова – пребывание в колонии для малолетних преступников – пожар в приюте – три побега в Сибирь – работа младшим телеграфистом в Тифлисе – смерть возлюбленной – служение на флоте – дезертирство и жизнь

¹ Определение «нижечеловек» Л. Андреева, оно появляется на страницах фельетона «Актер» в 1901 г. В других произведениях писателя мы не встречаем самого определения, но видим носителей подобного типа сознания. «Нижечеловек» – обыватель, имеющий претензии на статус человека незаурядного. Чаще оригинальность мышления подменяется неадекватным представлением о себе («Ослы»), показным пессимизмом («Люди теневой стороны»), неспособностью к рефлексии («Чемоданов»). Для этого типа героя характерно «декоративное» осмысление жизни при полном равнодушии как к своей жизни, так и к жизни вообще.

² Андреев Л.Н. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М. : Альфа-книга, 2021. С. 1215.

³ Там же.

в Африке (прочитывается как удаление в пустыню – значимый элемент сюжета для житийного жанра здесь представлен буквально) – три железнодорожных крушения – жизнь в Италии, Швейцарии, Франции – кораблекрушение у островов Майорки – слава «самого счастливого человека в мире» – возвращение в Россию в годы революции – казнь в Сибири. Однако герой в силу своей ограниченности не способен оценить масштаб событий, выпавших на его долю.

Леонид Андреев перекодирует сюжет о мученике: перед нами «последовательный рассказ, отражающий основные события» жизни⁴ Егора Егоровича Чемоданова. Описание каждого испытания строится как «относительно самостоятельный микросюжет»⁵, обладающий композиционной законченностью. Однако объектом изображения «высокого» образца становится «нижечеловек», что приводит к разрушению границ существующего канона и созданию травестированного варианта жития («антижития»), соответствующего времени.

Л.А. Черная (2008, с. 140–141) выделяет следующие стержневые положения жития и выстраивает с ними зеркальные пары: «Благое рождение – Подлое рождение; Боголюбие – Безбожие; Милосердие – Немилосливость; Смирение – Гордыня (ярость); Нищелюбие – Алчность; Доброта – Злоба; Красота внутренняя – Уродство; Чудеса – Злодеяния; „Свой“ (христианин, „знаем людьми“) – „Чужой“ (поганый, „незнаем меж людьми“); Посмертное благоухание – Смерд от могилы; Подобен Богу – Одержим дьяволом».

При этом исследователь отмечает, что святой представляет собой образец «внутреннего человека», обращенного к Богу, а антигерой – пример «внешнего» человека, попавшего под влияние дьявола. Егора Егоровича Чемоданова сложно назвать антигероем, этому препятствует само составляющее определения «герой», предполагающее наличие в человеке исключительных качеств, однако характеристика «внешний человек» достаточно точно описывает персонажа. То же касается и второй части тезиса о влиянии дьявола на жизнь человека: несмотря на то что в произведении нет упоминания о нечистой силе, жестокий Рок, под чье влияние попадает Егор Егорович, противопоставляется неким добрым силам и сущностно сопоставим с дьяволом. Более того, именно ему и покоряется судьба Чемоданова: добрые силы не спасают Егора Егоровича от казни.

Заурядность Чемоданова подчеркивается и на уровне выбора имени: поскольку ребенком он попадает в дом купца Егорова, то приобретает имя и отчество – Егор Егорович. Чемодан, в котором обнаружили подкидыша, становится источником фамилии⁶.

⁴ Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М. : Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. С. 71.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Выбор имени и фамилии для героя Л. Андреева сопоставим с номинацией Акакия Акакиевича Башмачкина, героя повести «Шинель» Н.В. Гоголя. Андреев, в отличие от предшественника, не предлагает список возможных имен, сама логика называния через дублирование отчества в имени указывает на Акакия Акакиевича и актуализирует существующий анекдот. При выборе

Образ Егора Егоровича Чемоданова лишен психологической точности. Череда страданий, через которые приходится пройти герою, не отражается на его характере. Статичность образа подчеркивается автором еще в начале повествования: «вид не то засыпающего, не то еще не совсем проснувшегося человека он сохранил на всю жизнь вместе с остальными качествами своими: желтыми, мягкими младенческими волосиками и маленьким ростом»⁷. Единственная черта, которую приобретает Егор Егорович, – болезненная худоба.

Перед нами «внешний человек», ценности которого ограничиваются трепетным отношением к белым воротничкам (близкий по функции мотив высоких каблуков и накрахмаленных воротничков ранее встречается в фелетоне «Тирания мелочей и преступность индивидуальности»⁸, затем в очерке «Смерть Гулливера», где он сопрягается со Свифтовскими высокими каблуками⁹ как привилегии и подчеркивание статуса его величества): «в добывании воротничка и приличного костюма, он обнаруживал дикую энергию и почти гениальность: голодный, последние три копейки он тратил на воротничок; преследуемый медведем, полумертвый от страха, он с таким расчетом бежал среди кустов, чтобы не порвать и не испортить костюма¹⁰. Так, вообще, он был честен, но жилеты и воротнички крал всю жизнь, и – странно! – даже не почитал это за грех!»¹¹. Ироничное замечание рассказчика о честности Чемоданова определяет читательское отношение к герою как к простому человеку «не без греха», «человеку вообще». Служение Богу как истинное предназначение «внутреннего» человека, героя канонического жития, подменяется служению воротничкам, внешнему атрибуту значимости не только для героя, но и для окружающих. Подтверждение этому мы находим в тексте: «<...> успехом своим Чемоданов был обязан исключительно костюму <...> он так красноречиво носил свою форму, что это вполне заменяло самые возвышенные разговоры о цели и смысле жизни; по той же

фамилии Андреев отказывается от абсурда, предложенного Гоголем (Башмачкины при такой фамилии все-таки носят сапоги, а не башмаки), однако имеет ее в виду и заменяет ее прямой логикой, тем самым усиливая абсурд: Егор Егорович, подброшенный в чемодане, получает фамилию Чемоданов.

⁷ Андреев Л.Н. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М. : Альфа-книга, 2021. С. 1215.

⁸ Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений Леонида Андреева : в 8 томах. Т. 6. СПб. : Издательство товарищества А.Ф. Маркса, 1913. С. 168–172.

⁹ Свифт Д. Путешествия Гулливера. Public Domain, 1727 ; 2010. С. 26.

¹⁰ Линия семиотики одежды восходит к библейским текстам, в которых одежда признавалась предметом роскоши. В литературных произведениях внешний вид как невербальный посыл собеседнику о своем статусе мы находим. Например, у М.А. Булгакова в «Театральном романе» («Записки покойника»): Сергей Леонтьевич Максудов считает важным купить шесть сорочек и восемь галстуков, герой повести «Собачье сердце», доктор Борменталь стыдливо прикрывает горло без галстука при ночном обыске. Наконец, Акакий Акакиевич Башмачкин из повести Н.В. Гоголя был одержим покупкой новой шинели.

¹¹ Андреев Л.Н. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М. : Альфа-книга, 2021. С. 1215.

причине и нравственность его стояла вне сомнений»¹². Это же объясняет бессловесность героя, и может быть интерпретировано как искажение пророчества Исайи: «Как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих»¹³.

Руководствуясь классификацией Л.А. Черной (2008), в образе Чемоданова можно выделить некоторые черты антигероя: о его рождении ничего неизвестно, младенцем он подброшен в семью купца; веру в Бога Чемоданову заменяет любовь к белым воротничкам; он считает себя честным, хотя способен на кражу; он достаточно упрям (три раза убегает в Сибирь), но этот бунт совершается «во имя покорности»¹⁴; он не проходит испытание искушением, хотя под искушением понимается немотивированное «опасное» желание вернуться в Россию и найти информацию о матери.

В то же время выделенные нами черты свидетельствуют о том, что перед нами обобщенный образ современного человека-обывателя, который в жизни выполняет роль «подкидыша», полагающегося на волю случая, статус «антигерой» кажется несоизмеримо больше самого персонажа.

Финал антижития также показателен: в канонической агиографии значительное место уделяется описанию чудес после смерти святого («кости наги» продолжали источать исцеления (Ключевский, 1988, 361 с.)), Леонид Андреев обрекает своего героя на забвение: «И так как не было у него ни друзей, ни родных и дел значительных он не совершал, то вместе со смертью исчезла и всякая память о нем, как будто и никогда он не жил на земле»¹⁵. В художественном мире писателя смерть обывателя означает собой не больше, чем конец жизни: не поднимается вопрос о переосмыслении жизни на пороге смерти (в отличие от «Рассказа о семи повешенных»), «нижечеловек» не может претендовать на воскрешение (как, например, мы видим в «Елиазаре»), нет даже намек на загробную жизнь (как это сделано в рассказе «Покой»). В «Чемоданове» Леонид Андреев дает возможность обывателю прожить уникальную жизнь, словно реализуя желания других своих героев: Сергея Петровича («Рассказ о Сергее Петровиче», 1900), доктора Керженцева («Мысль», 1902). Однако Егор Егорович Чемоданов, обладая примитивным сознанием, не способен осознать своего странного избранничества.

Заключение

Леонид Андреев нарушает каноны агиографии, чтобы переосмыслить их и пересобрать в оригинальном тексте – сакральной пародии. Следуя принципам эстетического максимализма, писатель не только разоблачает суть жизни

¹² Андреев Л.Н. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М. : Альфа-книга, 2021. С. 1216.

¹³ Исайя, 53:7.

¹⁴ Андреев Л.Н. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М. : Альфа-книга, 2021. С. 1216.

¹⁵ Там же. С. 1220.

«нижечеловека», но и подсмеивается над самим роком, ставя ему в противники недостойного соперника.

Таким образом, в «Чемоданове» деконструкция жития осуществляется на идейно-тематическом уровне: перед читателем разворачивается стилизованная под традиционное, но сводящаяся лишь к ее сюжетной схеме система событий, в рамках которой действует герой нового жития – «нижечеловек». Внешнее сходство с житием на уровне сюжета сворачивается автором до уровня мотива, «описание пути к спасению»¹⁶ остается на уровне биографии; пунктирное обозначение характера делают образ героя условным, аллегорическим, поэтому страдания, выпавшие на долю героя, не осмысливаются как столкновения с жестоким роком, а обнаруживают бессмысленность жизни современного человека.

Обращение к жанру антижития объясняется игровой природой творчества Леонида Андреева: развивая одни и те же сюжеты в разных модальностях, автор отказывается от единичного варианта мира, придавая ему стереоскопичность, подчеркивая неустойчивость и подвижность существующей системы. Нацеленность на демифологизацию и превращение старых и новых мифов в литературные анекдоты позволяют назвать Леонида Андреева «человеком модерна» и очертить круг интертекстуальных связей с произведениями как «золотого века» литературы, так и эпохи постмодерна.

Список литературы

- Бабичева Ю.В.* Эволюция жанров русской драмы XIX – начала XX века : учеб. пособие к спецкурсу. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1982. 127 с.
- Боева Г.Н.* Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна : монография. СПб. : Петрополис, 2016. 529 с.
- Ганжулевич Т.Н.* Русская жизнь и ее течения в творчестве Л. Андреева. СПб. : Товарищество «Издательское бюро», 1908. 122 с.
- Давыдова Т.Т.* Антижанры в творчестве Е. Замятина // Новое о Замятине : сб. материалов / под ред. Л. Геллера. М. : МИК, 1997. С. 20–35.
- Душечкина Е.В.* Русский святочный рассказ : становление жанра. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1995. 256 с.
- Келдыш В.А.* Русский реализм начала века. М. : Наука, 1975. 280 с.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М. : Наука, 1988. 512 с.
- Московкина И.И.* Между «рго» и «contra» : координаты художественного мира Леонида Андреева : монография. Харьков : Харьков. Нац. ун-т им. В.Н. Каразина, 2005. 287 с.
- Московкина И.И.* «Предпостмодернистский комплекс» в прозе и драматургии Леонида Андреева на фоне процессов в творчестве символистов 1910-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 1. С. 72–81. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.106>
- Петрова Е.И.* Проза Леонида Андреева: поэтика эксперимента и провокации : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Моск. гор. пед. ун-т]. Москва, 2010. 15 с.

¹⁶ *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М. : Гнозис, 1994. С. 10.

Фрай Н.Г. Анатомия критики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : трактаты, статьи, эссе / общ. ред. Г.К. Косикова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1987. С. 232–263.

Черная Л.А. Антропологический код древнерусской литературы. М. : Языки славянских культур, 2008. С. 140–141.

Шатин Ю.В. Эстетика агиографического дискурса в поэме В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» // Дискурс. 1996. № 2. С. 24–29. EDN: IBZPOA

Сведения об авторе:

Мыtareва Алиса Владимировна, аспирант, старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 603000, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. ORCID: 0000-0001-5323-7405; SPIN-код: 9220-0784. E-mail: amytareva@hse.ru